

**СЬЮЗЕН
ХИЛЛ
ЭТЮД НА
ХОЛМЕ**

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х45

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Susan Hill
THE VARIOUS HAUNTS OF MEN

© Susan Hill, 2004

This edition published by arrangement with Sheil Land Associates
and Synopsis Literary Agency

Редактор серии *Ю. Чернова*

Оформление серии *Я. Паламарчук*

Хилл, Сьюзен.

Х45 Эюд на холме : [роман] / Сьюзен Хилл ; [перевод с английского Т. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-115370-0

Полицейский детектив Фрея Грэффхам увольняется из лондонской полиции и переезжает в небольшой соборный городок — Лаффертон, который, кажется, подходит ей идеально — интересная архитектура, зеленеющие поля и дружелюбное сообщество. Почти сразу она обращает внимание на своего начальника — загадочного старшего инспектора Саймона Серрэйлера и ищет способы почаще познакомиться ему на глаза.

Работа становится размеренной, но Фрею все еще беспокоит рядовое сообщение о пропавшей недавно женщине. Когда такие сообщения начинают повторяться, Фрея понимает, что чутье ее не обмануло. Вместе со старшим инспектором Серрэйлером ей придется ввязаться в опасное расследование: бросить все силы на поимку преступника и предотвратить очередной удар по маленькому городку.

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

© Масленникова Т., перевод
на русский язык, 2020

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-115370-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Нет, кистью, не пером, представил я б живею
Местечки, города, все скопища людей.*

Джордж Крабб, «Местечко»¹

*Убежища людей разнообразны,
Пером не описать, здесь требуется масло.*

Джордж Крабб, «Городок»²

¹ Перевод с английского Д. Е. Мина.

² Перевод с английского Т. Е. Масленниковой.

*Для моего
нежно любимого призрака*

Запись

На прошлой неделе я нашел письмо от тебя. Я не думал, что у меня хоть одно сохранилось. Мне казалось, я уничтожил все, что осталось от тебя. Но вот это каким-то образом уцелело. Я нашел его среди налоговых деклараций семилетней давности, которые давно можно было выкинуть. Я не собирался его читать. Стоило мне только увидеть твой почерк, как на меня накатила тошнота. Я выбросил его в корзину. Но потом достал и прочитал. В нем ты несколько раз жалуешься, что я тебе никогда ничего не рассказываю. «Ты совсем никогда и ничего мне не рассказывал с тех пор, как был маленьким мальчиком», — написала ты.

Если бы ты только знала, как мало я рассказывал тебе даже тогда. Ты и четверти всего не знала.

Когда я прочел твое письмо, я начал размышлять и понял, что теперь я могу кое-что тебе рассказать. Мне нужно сказать тебе. Мне пойдет на пользу наконец сделать несколько признаний. Я хранил некоторые секреты слишком долго.

В конце концов, теперь ты с ними точно ничего сделать не сможешь.

После того как я прочел письмо, я довольно долго просидел в тишине, вспоминая и записывая. Кажется, теперь я могу рассказать целую историю.

Так что позволь мне начать.

Первое, о чем я должен тебе сказать, — я очень рано научился врать. Наверное, я врал очень о многом, но первая ложь, которую я запомнил, была про пирс. Я ходил туда, хотя тебе говорил, что этого не делал. И это было не один раз. Я ходил часто. Я копил деньги или находил их в канавах. Я всегда заглядывал в канавы, на всякий случай. Несколько раз, когда другого выхода не было, я крал деньги; карманы, кошельки, сумки — как правило, они просто там валялись. Мне до сих пор стыдно,

что я это делал. На свете мало вещей более отвратительных, чем воровство.

Но, понимаешь, мне надо было продолжать ходить туда, чтобы смотреть на Казнь. Я не мог удержаться. После того как я видел ее, я чувствовал себя удовлетворенным еще несколько дней, но потом желание посмотреть возникало снова, как зуд.

Ты же помнишь это представление, правда? Нужно было бросить монетку в щель, а потом она катилась вниз, пока не ударялась о спрятанную шторку, которая и заставляла все работать. Сначала зажигался свет. Потом три маленькие фигурки быстро въезжали в комнату для исполнения приговора: священник в своем облачении и с книгой, палач и между ними приговоренный. Книжка священника поднималась, и он начинал кивать головой вверх-вниз, и после этого сверху спустилась петля, а палач двинулся вперед; его руки вздергивались и брали петлю и надевали ее на шею человеку. А потом под его ногами открывался люк, и он падал, и висел так еще несколько секунд до того, как свет гас и все заканчивалось.

Я даже не представляю, сколько раз я ходил смотреть на это, но, если бы я знал, я бы обязательно сказал тебе, потому что теперь я намерен рассказать тебе все.

Все закончилось, только когда машину убрали. Однажды я спустился к пирсу и обнаружил, что ее нет. Я хочу объяснить, что я тогда почувствовал. Злость — да, я, несомненно, был зол. Но еще я почувствовал какое-то отчаянное разочарование, которое продолжало бурлить во мне еще долгое время. Я не знал, как мне избавиться от него.

Мне понадобились все эти годы, чтобы понять.

Не кажется ли тебе странным, что я не находил смысла в деньгах с тех самых пор и никогда не умел их тратить, кроме как на то, что было действительно необходимо? Я получаю довольно много, но это меня не волнует. Большую часть я просто отдаю. Возможно, ты с самого начала знала, что я тебя не слушался и ходил к пирсу, потому что однажды ты сказала: «Я все знаю». Меня это взбесило. Мне нужны были секреты, что-то, что было бы только моим и никогда — твоим.

Но сейчас мне нравится разговаривать с тобой. Я хочу, чтобы ты все узнала, и если у меня до сих пор и есть секреты, — а они есть, — я хочу поделиться ими, но только с тобой. И теперь я могу выбирать, рассказывать ли тебе вообще что-то, и как много, и когда. Теперь решаю я.

ОДИН

Декабрь, утро четверга. Шесть тридцать. Еще темно. Туманно. Эта зима была больше похожа на осень — теплая, влажная и гнетущая.

Анджела Рэндалл не боялась темноты, но, возвращаясь домой в это хмурое время после тяжелой смены, она находила густой, словно эктоплазма, туман пугающим. В центре города жизнь уже начиналась, но огни, которые зажигались тут и там, казались далекими: маленькие мерцающие островки янтаря, которые не создают ни тепла, ни уюта.

Она ехала медленно. Больше всего она боялась велосипедистов, внезапно возникающих перед ней из тумана и темноты, обычно без отражающих полосок на одежде, а зачастую даже без фонарей. Она была умелым, но неуверенным водителем. Жуткий страх — не врезаться в чужой автомобиль, а переехать велосипедиста или пешехода — постоянно преследовал ее. Ей пришлось переступить через себя, чтобы научиться водить в принципе. Иногда ей казалось, что это был самый храбрый поступок в ее жизни. Она знала, какой ужас, и шок, и скорбь приносят аварии на дорогах тем, кто остается жить. Она все еще слышала стук в дверь, все еще видела очертания шлемов полицейских за замерзшей стеклянной панелью.

Ей было пятнадцать. Сейчас ей пятьдесят три. Ей было трудно вспомнить свою мать живой, здоровой и счастливой, потому что те образы навсегда вытеснил другой — любимого лица в синяках и швах и маленького худого тела под простыней в холодном синевато-белом свете морга. Не было больше никого, кто мог бы опознать Эльзу Рэндалл. Анджела была ближайшей родственницей. Они

вдвоем составляли крепкий союз и были всем друг для друга. Ее отец умер до того, как ей исполнился год. У нее не осталось ни одной его фотографии. Ни одного воспоминания.

В пятнадцать она осталась в совершенном, оглушающем одиночестве, но за следующие сорок лет она смогла повернуть это в свою пользу. Ни родителей, ни сестер, ни тетю, ни братьев. Идея большой семьи никак не укладывалась у нее в голове.

Не считая последних двух лет, она всегда думала, что не только хорошо приноровилась жить одна, но и никогда теперь уже не захочет для себя чего-то иного. Это было ее естественное состояние. У нее было несколько друзей, ей нравилась ее работа, она даже получила один диплом Открытого университета и собиралась пройти еще один курс. И, конечно же, она благословляла тот день, когда наконец смогла уехать из Бевхэма, накопив достаточно денег, чтобы, добавив их к сумме, вырученной за продажу своей квартиры, купить небольшой домик примерно в двадцати милях от Бевхэма, в Лаффертоне.

Лаффертон подходил ей идеально. Это был маленький город, но не слишком маленький, здесь были широкие зеленые проспекты и красивые викторианские террасы, а в районе собора — прекрасные дома эпохи короля Георга. Сам собор был потрясающий, — она время от времени ходила на службу, — а еще здесь были хорошие дорогие магазины и приятные кафе. Ее мама бы еще сказала, со своей забавной аккуратной маленькой улыбкой, что Лаффертон «населяет очень приличная публика».

Анджела Рэндалл чувствовала себя в Лаффертоне уютно, спокойно, как дома. Когда она влюбилась несколько месяцев назад, сперва это ее озадачило, потому что раньше ей не были знакомы такие мощные, всепоглощающие эмоции, но скоро она стала верить, что ее переезд в Лаффертон был частью плана, к кульминации которого она теперь подошла. Анджела Рэндалл любила с таким упоением и преданностью, что это полностью захватило ее жизнь. Вскоре она четко осознала, что это захватит и жизнь того, другого. Как только он примет ее чувства к нему, как только она будет готова открыться, когда настанет правильный момент.

Перед тем как она встретила его, жизнь начала казаться ей немного пустой. Тревожные мысли о грядущих

болезнях, немощи и старости подбирались к уголкам ее сознания, злобно скалясь. Она была в шоке, что достигла возраста, до которого не дожила ее мать. У нее было чувство, что у нее нет на это права. Но с той встречи в апреле пустоту в ее жизни заняла полная и страстная убежденность, готовность покориться судьбе. Она и думать забыла об одиночестве, старости и болезнях. Она была спасена. И, в конце концов, пятьдесят три — это не шестьдесят три и не семьдесят три, это период расцвета. В пятьдесят ее мать была уже на границе старости. Теперь все были мо- ложе.

Когда она выехала за крепостную стену старого го- рода, туман и темнота вокруг машины стали еще гуще. Она съехала на дорогу, которую по какой-то странной причине назвали просто «Дорогой Судного дня», и повернула на- лево, на Девоншир-драйв. Несколько огней горели в окнах спален огромных особняков, но сквозь туман она с трудом могла их различить. Она снизила скорость до двадцати, а потом и до пятнадцати миль в час.

При такой погоде невозможно было понять, что это был один из самых привлекательных и благоустроенных районов Лаффертона. Она осознала, как ей повезло найти небольшо- шой домик на Барн-клоуз, один из всего-навсего пяти в этом месте, да еще и по цене, которую она как раз могла запла- тить. Он пустовал чуть больше года после смерти пожилой пары, которая прожила в нем более шестидесяти лет. Тогда здесь еще даже не было улицы как таковой, и многих внуши- тельных домов, которые сейчас стояли на Девоншир-драйв, не было тоже.

Дом был совершенно лишен современных усовершен- ствований и определенно нуждался в ремонте, но, как только она впервые переступила его порог, сразу за моло- дым агентом по недвижимости, Анджела Рэндалл захотела жить здесь.

— Боюсь, здесь нужно будет очень много всего пере- делать.

Но ничто из этого не имело значения, потому что этот дом сразу покорила ее, и это было нечто особенное.

— Люди здесь были счастливы, — сказала она.

Девушка странно посмотрела на нее.

— Я хочу сделать предложение.

Она вошла в маленькую холодную кухню с блед- но-зелеными стенами, бежевой газовой плитой и корич-

невыми лакированными шкафчиками, и ее взгляд устремился дальше, через окно, на поле за изгородью и Холм, возвышавшийся над ним. Облака гонялись за солнцем, иногда закрывая его так, что зеленые склоны становились то светлыми, то темными, будто это играли дети.

Впервые с тех пор, как раздался тот стук в дверь, Анджела Рэндалл испытала чувство, которое через секунду распознала как счастье.

Ее глаза болели от усталости и напряжения, с которым она всматривалась в туман через лобовое стекло. Это была тяжелая ночь. Иногда старики бывали тихими, спокойными и мирными, и тогда вызовы раздавались совсем редко. Они просто делали обход каждые два часа и раскладывали белье или выполняли еще какую-нибудь рутинную работу, оставленную на них дневной сменой. В такие ночи она могла сделать очень много по своему учебному курсу, сидя в комнате для персонала дома престарелых. Но в эту последнюю ночь она едва ли открыла хоть одну книгу. Пятеро подопечных, включая пару совсем хрупких и слабых, спустились из своих комнат с симптомами острой вирусной инфекции, и в два часа ночи они вынуждены были позвонить доктору Дирбон, которая отправила одну пожилую леди прямоком в больницу. Мистеру Гентли заменили таблетки, и из-за нового препарата у него начались кошмары, дикие и абсолютно ужасные, от которых он кричал во сне так, что жильцы комнат справа и слева от него просыпались в страхе. Мисс Паркинсон снова ходила во сне и умудрилась дойти до парадной двери, отпереть на ней замок, отодвинуть щеколду и пройти полпути по дорожке, прежде чем кто-то из персонала, отвлеченного суматохой с вирусом, это заметил. Деменция — это невесело. Все, что тут можно сделать, это ограничить для пациента возможность причинить себе ущерб и свободу передвижений и, конечно же, поддерживать вокруг него чистоту и порядок, обеспечивать хорошей едой и ласковой заботой. Она часто думала о том, как бы она справлялась, если бы ее матери пришлось жить с такой болезнью, которая похищала у людей их самих: личность, память, дух, достоинство, возможность общения, — все, что делает жизнь богатой и ценной. «Ты оставишь меня здесь, правда же, — много раз спрашивала она шутливо у Кэрол Эштон, которая управ-

ляля домом престарелых «Фор Уэйс», — если я стану такой же?» Они просто смеялись и переходили на другую тему, но Анджела задавала эти вопросы, как ребенок, который нуждается в ободрении и защите. Что же, теперь ей не нужно больше волноваться о подобных вещах. Она не состарится одна, в каком бы состоянии ни оказалась. Она знала это.

Когда она доехала до конца Девоншир-драйв, туман рассеялся, и вместо густой пелены вокруг машины будто плавали тонкие серые нити и лоскуты. Появились большие пятна прозрачной темноты, сквозь которые дома и уличные фонари светились ярко-оранжевым и золотым. Поворачивая на Барн-клоуз, Анджела Рэндалл смогла различить собственные выкрашенные в белый цвет ворота в дальнем конце улицы. Она продолжительно выдохнула, снимая напряжение в плечах и шее. Ее руки на руле были влажными. Но она была дома. Ее ждали хороший сон и четыре выходных дня впереди.

Выйдя из машины, она ощутила, как туман опутывает ее кожу, словно влажная паутина, но с Холма на нее подул легкий бриз. Может быть, когда станет совсем светло и она соберется снова выйти на улицу, он уже развеет остатки тумана. Она устала больше, чем обычно, после тяжелой ночи и такой неприятной поездки, но ей и в голову не пришло изменить свой обычный распорядок. Она была организованной женщиной с устоявшимися привычками. Только одна вещь, произошедшая с ней недавно, должна была порвать защитный кокон, который она выстроила вокруг себя, и угрожала беспорядком и хаосом, но эти потенциальные беспорядок и хаос были ей милы и, к своему собственному удивлению, она была им рада.

Тем не менее пока что она должна придерживаться своего распорядка, и в любом случае если она пропустит хоть одну пробежку, то обязательно заметит разницу уже на следующий день — тело станет чуть менее гибким, а дыхание чуть тяжелее. Доктор сказал, что она должна заняться спортом, а она доверяла ему безгранично. Если бы он сказал ей подвесить себя вверх ногами на ветку дерева на неделю, она бы это сделала. Но ее не привлекал ни один спорт, поэтому она начала бегать — сначала она просто ходила, потом перешла на трусцу и постепенно увеличивала скорость и расстояние, достигнув отметки в три мили полноценного бега ежедневно.